

Германия—каторга для русских женщин

Товарищ! В бою держись!
Громи врага и гони!

Верни нашим людям жизнь.
В родные края верни!

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

МЫ ЖИВЕМ, КАК В ТЮРЬМЕ, ДАЖЕ В ТЮРЬМЕ ЛУЧШЕ...

Курк, ул. Можжевельная, 7,
Нероновой Наталье Михайловне

Здравствуйте дорогие родные. Мамочка, тетя Лена и дядя Паша, шлю вам свой сердечный привет и желаю самого наилучшего в вашей жизни. Вот уже прошло 5 месяцев, как мы расстались, и как живу я одна на чужой стороне, вдалеке от родных и родного города. А как тяжела наша жизнь! Дорогая мамочка, мы живем, как в тюрьме, даже в тюрьме я считаю лучше, так как там отсиживают определенный срок и выйдут на волю, а мы неизвестно когда на воле будем и когда вернемся домой.

Барак, в котором мы живем, большой. На окнах изнутри сделаны громкие железные решетки. Дворик очень маленький, посреди его находится большая уборная, она там же загорожена проволокой в 2,5 метра вышиной. Ворота всегда закрыты на двух замках и только открываются тогда, когда мы едем на работу. Мы с Лидой работаем на том же заводе. Нас здесь нам сообщали, что наступит зима и надо приобрести теплую одежду, но ты же

знаешь, что мы променяли все в березе. Если тебе пришлют листок о том, чтобы вы высылали одежду, то ты не высылай последние пожитки. Я прохожу в том, что у меня есть. Дорогая мамочка, нам сказали, что родным нам помогают, выдают 200 руб. деньгами и продуктами. Напиши мне, пожалуйста, правда ли это?

Мы уже потеряли надежду вернуться домой. Дорогая мамочка, стоишь к комманданту и скажи, что ты одна, больная и старая, можешь быть, меня вернут обратно. Ты дядю Петю попроси и Черкашину тетю Веру. Больные возвращают домой, да и то только тех, которые сильно больны. Я молюсь богу—тогда бы мне заболеть.

Мамочка! Такая жоска, а вы еще не пишите ничего. Для меня ведь только и утешения, что письмо от тебя и родных.

На этом кончаю писать, остаюсь твоя любящая дочь Зоя.

Мамочка погадай у хорошей гадалки, вернусь ли я домой и когда. Пишите чаще. Жду с нетерпением ответа.

25-X-42 г.

Ваша Зоя.

В НЕВОЛЕ

Стынет ночь голубая и ледяная,
Край родной от меня затеняя;
Чуть играя с еловыми шишками,
Не стоишь ты уже у плетня...
Бледный месяц, как будто затравленный,
Посветить тебе даже не смог...
Ой, ушла ты давно с ко в праги,
Завернувшись в зеленый платок.
Мало было и плача и голоса,—
Умирала от голода мать.
Листь шиповника за платок цеплялась,
Не хотела тебя отпустить.
Только птицы тревожней и жалобней
Закричали среди ночи глухой.
Только в шиповнике да яблонь
Потанцевали вслед за тобой.
Знаю, наши ребята не трусы
В ночи звездные цепи с тобой,
Называли хорошей и любовью
Раставалась по твоей вербой.
Раставались и брались мы за руки,
Тот зеленый платок терла,
А теперь...

Где-то в Кельне или Гамбурге
Называют рабыней тебя.
Они бьют там тебя, ненавидят,
Изымывают все над тобой.
Нет, не бусами, нет, не монетами—
Шля стаята узкой петлей.
Листь водона да горькая кашка,
Да пивки—вот рабыня ж ты.
Горько плачешь и все тебе кажется:
Мчишь, скачет спасенье твое.
Солью горя, позора и ужаса,
Слезы, слезы... они, как дожди.
Поджди ты немного, прислушайся,
Чуть поплачь и опять положи.
Видишь: додела небо расплавлено,
Почернели от врывов снега,
Эта храбрая гвардия Сталина
Отбивает тебя у врага.
И твое здесь спасение близкое,
Все мечты твои, сны и любовь.
Здесь, где знамя родное обрызгала
Наша чистая личная кровь.

Лейтенант Е. КРИВЕНКО.

КОГДА МЫ ВЫРВЕМСЯ...

Курская область, Стрелецкий район, деревня 2-я Зорино, Лукьянчиков, Акиму Михайловичу. Из Германии, от дочери Валентины Лукьянчиковой.

Здравствуйте мои дорогие родители! Привет вам от меня и сестры Нюры. Папа и мама, я не шла нашу Нюру спустя почти месяц. Мама, как она изменилась! Я ее плохо узнала. Она живет в десяти километрах от меня. Живет плохо. Последнее платье на ней порвалось и носить нечего, я

ей дала свою юбку. Ей не дают мыла голову мыть. Ой, мама, как она плачет! Стала худая, лицо черное. Хозяйки ее, как ведьма, ругаются, кричат. Ей здесь тяжело. Нас здесь много и всем так живется. Милая мама, когда мы вырвемся домой на свою родину? Целую вас. Ваша дочь Валя.

СЕСТРА

Это было на берегу Онежского озера холодной зимой 1941 года. В полевой госпиталь, расположенный в крытых, утепленных землянках, был доставлен тяжело раненый боец Младшие сестры быстро его раздели и уложили на койку. Он стонал. Глаза его были совершенно закрыты, а губы шептались что-то непонятное. Тонкие, белые с виду хрупкие пальцы рук лежали на краю одеяла без движения. Все лицо его выражало мучительные внутренние боли. Он вызывал жалость. Минут 10 спусти в палату (если можно так назвать земляную камеру) вошла старшая сестра Надежда Николаевна Ефимкина просто Надь, как привели ее называли работники госпиталя. По привычке, выработавшейся у нее за годы врачебной практики она подошла к только что привезенному больному и первым делом нащупала пульс. Пульс работал

скверно. Она взглянула раненому в лицо и бледная перед ней лежала ее муж. Чтобы убедиться, не показалось ли ей это, она чуть-чуть наклонилась к нему. «У меня шрам над глазом, у этого нет», мелькнуло у нее в голове. Краска ударила в лицо Надь, она поспешно отошла, не в силах сдержать волнений. Час спустя после этого главный хирург госпиталя Борис Иванович Баканов велел уложить раненого на операционный стол. Его помощник в то время отсутствовал, так что пришлось пригласить в качестве ассистента Надь. Борис Иванович привык доверять ей больше подчиненным. На этот раз предстояла операция изъятия желудка.

Можно представить себе, что испытывала Надь, подходя к операционному столу. Может быть, в самом деле ее муж? Нет, тогда она откажется ассистировать, это

свыше ее сил и умения. Она ведь за всю свою практику не делала этого. Но неповторная сила, могучая сила притягивала ее к операционной. Переступив порог, она почувствовала в себе такой прилив энергии, в пальцах рук и во всем теле явилось столько уверенности, что, казалось, она сама проделает всю операцию без Бориса Ивановича. «Он не умрет, он не должен умирать»,— сказала она себе и была невольной радости охватила все ее существо. Она вдруг представила себя в роли спасительницы тысяч дорогих ее сердцу людей, к каждому из которых она равно питает искреннюю и горячую любовь женщины. Спасать этих людей, согреть их теплым женским словом, вложить на их грудь мягкую женскую руку—какое это благородное, святое дело! Надь переродилась. Половину операции она провела сама. Борис Иванович удивился. Конечно, это не было и ж, но случайное сходство сделало свое дело. Надь стала

работать еще неутомимее, еще энергичнее, отдавая всю себя делу спасения жизней дорогих ей родных бойцов Красной Армии.

Сейчас через глаза Натальи Николаевны стоят госпитали в городе Калуге, Вологде, Воронеже и других местах.

Август месяц. Госпиталь, где работает Надежда Николаевна, переехала в лес. В тот же день начали поступать раненые. Но несколько суток не спала она. Поруги укладывали ее спать. Она не соглашалась. Утомленная, шла на самые сложные операции.

Гафекция. Немецкие самолеты сбрасывают бомбы на госпиталь. Надь вместе с Борисом Ивановичем заканчивает операцию головного мозга. Со стен слышится штурм. Раненый завыывает первый глоток воды. Он будет жить! Через два месяца он уже протягивает руку Наде, говорит: «Сестра, спасибо тебе». И сколько этих «спасибо» слышала она с начала войны. Их

было и есть так много, так искренне они звучали, что кажется дили до самой Москвы. В октябрьские дождливые дни прошлого года Надежду Николаевну наградили медалью «За отвагу». 410 операций только за последние месяцы продела она с тов. Благонным. Это скромная, тихая, «сестра» стала выполнять работы хирурга. Она выросла. А как она еще вырастет!

Очень часто она думает о муже, который находится где-то в армии. В ее глазах мелькают бледные ряды наших бойцов, атакующих неприступные позиции. Важные пули вырывают из рядов некоторых из них. Нельзя допустить погрешностей! Скорее нужно наступать в стой защитников родины, и она не спит ночей. Ей говорит: «Сестра, спасибо», а ей будто слышится: «Спасибо, мать».

А. ВАСИЛЬЕВ.